

ПРОМЫСЛОВАЯ КУЛЬТУРА НАРОДА САХА В СИСТЕМЕ ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ ОХОТНИЧЬИХ КУЛЬТОВ

COMMERCIAL CULTURE OF THE SAKHA PEOPLE IN THE SYSTEM OF THE TURKO-MONGOL HUNTING CULT

**L. Efimova
N. Shkurko
N. Afanasev
V. Antonova
I. Baishev
S. Protopopov**

Summary. The article is devoted to the study of traditional rites of the commercial culture of the Sakha people, which has a number of typical similarities with the rituals of the hunting practice of the Turkic-Mongolian peoples of Siberia. The authors give the names of mythological host spirits and analyze hunting rites, including their verbal part — taboo vocabulary. To do this, the article analyzes the names of mythological host spirits and presents a concise description of the hunting and hunting rituals, including their verbal part — taboo vocabulary (ritual texts). In the traditions of the archaic cult of the worship of the bear among the Sakha people, the participation of adolescents in a bear hunt is the main component of initiation.

Keywords: commercial cult, archaic vocabulary, taboo, ritual poetry of the Turkic-Mongolian peoples of Russia, bear cult, Sakha people, sacred rituals.

Ефимова Людмила Степановна

Д.филол.н., Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Якутск
Ludmilaxoso@mail.ru

Шкурко Наталья Сергеевна

К.ф.н., доцент, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Якутск
shkurko@mail.ru

Афанасьев Ньургун Вячеславович

К.филол.н., доцент, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Якутск
n.v.afanasev@mail.ru

Антонова Венера Николаевна

К.п.н., доцент, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Якутск
antonova.venerochka@mail.ru

Баишев Иннокентий Игнатьевич

К.п.н., доцент, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Якутск
ii.baishev@s-vfu.ru

Протопопов Семен Семёнович

К.культурологии, доцент, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Якутск
ssprotopopov@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению традиционных обрядов промысловой культуры народа саха, имеющей ряд типических сходжений с ритуалами охотничьей практики тюрко-монгольских народов Сибири. Авторы приводят имена мифологических духов-хозяев и анализируют охотничьи обряды, включая их вербальную часть — табуированную лексику. Для этого в статье проведен анализ имен мифологических духов-хозяев и представлена сжатая характеристика охотничье-промысловых ритуалов, включая их вербальную часть — табуированная лексика (обрядовые тексты). В традициях архаичного курса поклонения медведю у народа саха участие подростков в охоте, медвежьей выступает значимым компонентом инициационного комплекса.

Ключевые слова: промысловый культ, архаическая лексика, табу, обрядовая поэзия тюрко-монгольских народов России, медвежий культ, народ саха, сакральные ритуалы.

Культы поклонения

Охотничьи культы — это многогранный культурологический феномен, оставивший значительный след в истории всех народов. Если охотничью культура авторы трактуют как совокупность достижений человечества в области охотничьего промысла и всего того опыта, который был накоплен за время существования и активности человека-охотника, то про-

мысловую культуру следует дифференцировать более узко, как правильное осуществление процесса охоты, включающего в себя осуществление подготовительных мероприятий, отслеживание, преследование, добычу зверя и обработку трофея или другой охотничьей продукции.

Процесс охоты трактовался в мифологизированном сознании предков тюрко-монгольских народов Сибири

Таблица 1

<p><i>Алас, алас, алас!</i> <i>Одус бишту От-эне,</i> <i>кырык башту кыс-эне,</i> <i>Чийди болзо, быжыргаң,</i> <i>Тоңды болзо, ээриткең,</i> <i>Ада болуп айлана тўш,</i> <i>Эне болуп ээлип тўш!</i> <i>Алкыш-быйан беригер!</i> <i>Ак Дъайык азык-тўлук персин!</i> <i>Алтайга чыккайзым —</i> <i>Казык персин!</i> <i>Агын сууды кечкезин —</i> <i>Кечү перзин!</i></p>	<p><i>Алас, алас, алас!</i> <i>Тридцатоголовая Огонь-мать,</i> <i>Сорокаголовая девушка-мать,</i> <i>Сырое — сварись,</i> <i>Мёрзлое —</i> <i>Отцом моим, обходя спустись,</i> <i>Матерью моей, овладевая спустись!</i> <i>Благословение отдавай!</i> <i>Ак Дъайык пищу-мясо подаст,</i> <i>На Алтай пришёл —</i> <i>Обряд казык подаст!</i> <i>Течение воды перейти —</i> <i>Переправу подаст!</i> [4, с. 100]</p>
---	---

Таблица 2

<p><i>Хада гэшхэхэ гэжэ</i> <i>Халюу гэшхэжэ яба,</i> <i>Бута гэшхэхэ гэжэ</i> <i>Булга гэшхэжэ яба.</i> <i>Ая зөөлэн, ашаа хүндэ ябаггы,</i> <i>Боошхоор дүүрэн оомольтой...,</i></p>	<p><i>Вместо горки</i> <i>На выдру наступай,</i> <i>Вместо кочки</i> <i>На соболя наступай.</i> <i>Пусть будет у вас мягок путь и тяжел воз,</i> <i>Пусть добыча у вас будет богатая... [6, с. 151]</i></p>
---	--

как обмен дарами, в котором равноценными партнерами выступали человек и природа. Отсюда значительное число типических схождений, связанное с представлениями об харыстаах кыыллар — *оберегаемых зверях*, на которых в определенное время года ограничивались сроки охоты (лось, благородный олень, горный баран, заяц, боровая дичь, все пушные), с практикой проведения охотничьих обрядов для инициации молодежи. По мнению С.Г. Жамбаловой, первое участие молодого человека в охоте маркировало его переход в категорию взрослых мужчин и входило в инициационный комплекс. В результате этого мальчики проходили обряд посвящения в охотники [17, с. 107].

Так, подготовительная часть к охоте у алтайцев, у тувинцев, у хакасов, бурят и якутов начиналась с обряда очищения. Обряд очищения алтайцев выражался в лексике *алкышов*, адресанты провозглашали «Алас, алас, алас!», что знаменовало начало обрядовых действий очищения. Народы Алтая, как и якуты, после обряда освящения, обращались к духу-хозяину огня «*Одус бишту От-эне, кырык башту кыс-эне*» (таблица 1).

Во время обряда почитания и угощения огня все монголызычные народы произносили благопожелания, в которых вслух перечисляли все, что преподносили духу огня для передачи своих прошений могущественным духам и божествам [5, с. 9].

У хакасов «охотничий промысел сопровождался от начала до конца обрядами почитания горных духов — *таг ээзи*» [6, с. 11]. Обряд встречи убитого пушного зверя с почестями описан у бурят и якутов. Так, старейшими бурятскими охотниками, чтобы «охота была удачной, совершались различные обряды, дополненные общими юроолами, в которых звучали пожелания богатой добычи: «*Ая зөөлэн, ашаа хүндэ ябаггы, Боошхоор дүүрэн оомольтой* (Пусть будет у вас мягок путь и тяжел воз, Пусть добыча у вас будет богатая)» (таблица 2) [6, с. 150].

По традиционным представлениям тюрко-монгольских народов Сибири духи-хозяева охотничьих угодий любили слушать в хорошем исполнении песни, сказки, предания, отрывки эпических сказаний. Адресанты при проведении обрядов обязательно угощали духа-хозяина тайги: алтайцы вешали жертвенные полоски — *джаламу*, тувинцы преподносили *чаламу*, а якуты приносили в подарок священную веревку, сплетенную из конского волоса — *саламу* — и праздничную пищу.

Рассмотрим более подробно технику исполнения данного обряда угощения в традициях народа саха. Обряд угощения духа — хозяина охоты выполнялся в лесу или в доме. Изготавливались атрибуты: салама — 2–3-метровая волосная веревка, в 7–9 местах (нечетное количество) украшенная перьями совы или лоскутками материи, 7–9 кусками заячьей шкуры или белчих хвостов и деревянными макетами охотничьих снастей. Если

обряд проводился в доме (на зимовке), мастерился деревянный идол-*эһэжээн* — высотой 30–40 см, которого одевали в заячью шкуру. В качестве угощения предлагались: молочная пища-*суораттаах тума*, каша-*саламат* из заваренной в кипящей сметане муки, куски внутреннего жира коровы, топленое масло и др.

Салама вешали на двух и деревьях чуть выше уровня плеч человека на видном месте. Затем угощали жиром изображение духа-хозяина охоты и произносили алгыс — благопожелание с восхвалением и обещанием дара. Угощение — своеобразный аванс за будущую удачу на охоте — проносилось через огонь или просто разбрасывалось на четыре стороны.

Образ духа-хозяина тайги присутствует в мифологии всех тюрко-монгольских народов Сибири. У алтайских охотников его называли *Агаиш ээзи*, у теленгитов он имел собственное имя *Санай*, у тубаларов — *Саныр*, у кумандийцев — *Шалыг*, у хакасов — *Агас ээзи* («лесной хозяин»). В обрядовой поэзии тувинцев дух тайги не персонифицирован, что Н. А. Алексеев констатировал в ходе полевых изысканий: «нет главного духа-хозяина тайги» [8, с. 280]. Буряты обращались к хозяину тайги как к *Баяну Хангай бабай* [9, с. 15].

В якутской мифологии полное имя духа-хозяина тайги звучит как *Баай Байанай Барыылаах тойон*. При рассмотрении этимологии данного имени Э. К. Пекарский, Г. В. Попов разделяли мнение академика В. В. Радлова, сравнившего якут. *Байанай* с алт. *пайана* от *пай* «богатый» + *ана* «мать» [12, с. 62]. Но первое предположение о связи якутского *Байаная* с алтайскими божествами сделал С. В. Ястремский, полагавший, что «бог охоты назван *Байанай* — как раз тем именем, которое встречается среди названий божества среди алтайских тюрков» [13, с. 196]. Позднее Г. У. Эргис выводил *Бай-байан* в значении «богатый, богатство», указывая, что образ, вынесенным древними якутами из первоначальной родины, был сохранен и развит на Лене и на Вилюе [14, с. 125].

Духу-хозяин якутской тайги имел множество обликов, в которых отразились представления разнородных и разноязычных потомков якутских родов, расселившихся в трех долинах северных рек. В юго-западных районах Якутии Байаная представляли, как «тунгусообразного бородатого, обросшего седыми или рыжими, иногда черными волосам старика», в Центральной Якутии и в группе западных районов — это «очень веселый шумливый старик, обросший седыми волосами и седой бородой», «великан преклонных лет в дохе, в костюме охотника, он очень добрый и великодушный, выручает людей от голодной смерти». и на Северо-Западе Баай Байанай — веселый старик с внешностью таежного охот-

ника. Вилюйские якуты почитали его в облике огромного медведя и обращались к нему *Эһэжээн* или *Сээркээн Сэһэн*.

Якуты полагали, что у духа-хозяина тайги имеется много братьев. В обращениях алгысов охотники упоминали такие имена духов-хозяев, как: *Баай Барыылаах Баай Байанай*, *Эрбэс Боотур*, *Өндөлүкү Бөкөөнөй*, *Элип Хандабай*, *Курабаччы Сүүрук*, *Куралай Бэргэн*, каждый из которых был наделен специальными эпитетами. Имеющиеся материалы обрядовой поэзии подтверждают, что духов-хозяев тайги было несколько, но главенство среди них принадлежит Баай Барыылааху Байаная.

В алгысах охотники просили хозяев тайги и леса сопутствовать промыслу, помочь в охоте. В просительной части *алгысов* четко прослеживается иносказательный характер охотничьих обрядов. Охотники пользовались табуированной лексикой, отличающей метафоричностью. Например, просили пригнать *үрүн-хара түүлээххин* букв. «бело-чёрного пушистого» (т.е. пушных зверей), *адаар (эргэнэ) муостааххын* «развиллсторогатого», *атырдыах атахтааххын* «виланогатых», *бодонноох тобуктааххы* «выпуклоколенных», *дьоробоно сотолооххун* «длинноголенных» — т.е. лосей, оленей.

Табуированная лексика была характерна и для тюркских охотников. У хакасов возник обычай «хазынас» или «хазындас» (по-алтайски «кайындаш»), запрещающий называть вещи своими именами для того, чтобы уважать хозяев тайги как старших родственников и чтобы они не понимали смысл разговора [6, с. 11]. Тувинский охотник также просил *дазыл дег мыйыстыындан* «из имеющих, как корень, (разлапистые) панты», *дазагар эмиглинден* «из имеющих (большое) вымя, с раскоряченными ногами», *сон чиир чилиглинден* «из имеющих костный мозг», *сорулаар чаглыындан* «из имеющих (много) жирного мяса» [15, с. 60].

В промысловых обрядах тюрко-монгольских народов Сибири имеется ряд общих черты: очищение участников и их оружия, угощение духов-хозяев вкусной едой, умелое исполнение для них хороших песен, сказок, преданий или отрывкой эпоса (кая или хая).

Так, в якутских алгысах дух-хозяин тайги *Баай Барыылаах тойон* персонифицирован, имеет богатую эпитетацию. Охотники обращались к нему, наделяя его эпитетами: *байдам тутуу*, *барылы кэскил*, *баттах сарын*. Просительная часть жанров обрядовой поэзии тувинцев и якутов отличалась табуированной лексикой. А обряды встречи убитого пушного зверя с почестями, с соответствующими благопожеланиями были характерны только у бурят и у якутов.

Таблица 3

<p>Тойон эһэм, Эн итии суолгун ирдээбэтэбим, Тонг суолгун тордооботобум, Кэтит суолгун кэспэтэбим, Уһун суолгун оймооботобум Тойон эһэ (хотун эһэ), Кэтит суолгун кэспэтэбим, Уһун суолгун оймооботобум Удьуорум туххары Уорда намырай! Туун тулаайахпын, мунур муннаахпын, Такыр тангнаахпын, Хат тынанан, хаптаһын быстыабынан халбарыйааххын, Уллунах устата уларыйааххын, Сыалыһар балык быарын быарданааххын, Үүс-киис түүтүн түүлэниэххин төһөлөөх буолуой? Тойон эһэм, туохха мизэхэ туулаатын? Өбүгэм үйэтиттэн ыла бэйэм үйэбэр диэри Эһиги тонг суолгутун тобулбут буруйбут суоҕа, Ириэнэх суолгутун ирдиебит айыыбыт суоҕа, Кэтит суолгутугар кэнчиэлээри кэнтик кэбиспиһит суоҕа, Уһун суолгутугар оһоллоору уоттаах сааны утары туппуппут суоҕа, Барар сиргитигэр бааһырдаары бадаар бырахпыһыт суоҕа, Күөдүлгэхтиир сиргитигэр күнтэн сүтэрээри күлүмэн охсубуппут суоҕа, Арбаххыт айабын атыллаабыт анһыыбыт суоҕа,</p>	<p>Господин дедушка, Твой широкий путь я не топтал, По твоему длинному пути не бродил ни я, ни мои предки, На широкий след не наступал, Длинный след не нарушал Господин дедушка мой (госпожа моя), На широкий след не наступал, длинный след не нарушал В продолжающемся своем роде Смягчи свой гнев! я — круглый сирота, я — совсем несчастный, я — горемычный! О, если бы ты в глубь леса, как сквозь щель между досками, отодвинулся, На ширину подошвы отстранился, Подобно печени Налима смягчился, уподобился (нежному) пуху соболя! Господин дедушка мой, чему мне обратиться? С предков наших до моих дней Ваши остывшие следы искать, не имели вины, теплые следы наследить, не имели грехов, Широким вашим следам, чтобы нацелить на вас, не оставляли палочку, Долгим вашим следам, чтобы убивать вас, не держали огненного ружья, Вашему пути, чтобы вас ранить, острогу не оставляли, Вашим просторам, чтобы уничтожить вас, ловушку не сооружали, Берлогу вашу прошагать, не имеем грехов,</p>
<p>Хата, тойон эһэм, мин ааттаһыыбын истэн аһын,</p>	<p>Ну-ка, господин мой, услышь мои моления,</p>
<p>Сыралбаннаах сытыы болот сырайыг сылаанныйдын, Уллунах устата уларыйан көр, Хардаҕас устата халбарыйан абыраа!</p>	<p>Грозное лицо твоё усмирится, На ширину подошвы отстраниться попрошу, На ширину щели уходив, спаси! [16, с. 53–55]</p>

Медвежий культ

В исследованиях охотничьих культов значимое место — по степени сакральности и социального статуса — имеют обряды, связанные с медведем. Культ этого могучего обитателя всей таежно-тундровой и горно-таежной полосы Сибири, посвящена довольно обширная литература, как классическая (Г.М. Василевич, И.А. Худяков, В.М. Ионов, А.Е. Кулаковский, В.Л. Серошевский, М.В. Ядринцев), так и современная (Н.А. Алексеев, Л.С. Ефимова, В.В. Илларионов, К.Д. Уткин, И.С. Цыренова).

В отличие от большинства тюрко-монгольских племен Сибири, тех же тунгусов или шорцев, у мужчин народа саха охота на медведя была своеобразным видом экстремального спорта, к участию в которой допускался не каждый состоявшийся охотник. По отношению к будущему объекту охоты не никогда не говорили прямо «медведь», а пользовались иносказаниями тыа тойоно — «лесной господин», кырдыаҕас — «старик» и др. Руководитель медвежьей охоты — эсэхит — отбирал себе учеников не только физически сильных, но наделенных достаточной нервной закалкой и хладнокровием. Высоко ценились быстрота реакций, ловкость и находчивость. Еще одно отличие якутского варианта охоты от тунгусского — медведя добывали в берлоге [3, с. 16].

В обстановке полной секретности все участники собирались в жилище руководителя охоты и, молча, двигались к берлоге, неся на плечах заготовленные жердяные затычки. Подойдя, руководитель спешил засунуть в устье берлоги все подаваемые по эстафете затычки и только тогда приступал к пробуждению спящего медведя (Этого требовал охотничий кодекс — сражаться с готовым к бою противником. Также существовало поверие, что надо разбудить убиваемого медведя, чтобы потом души убитых медведей не нападали на участников охоты во время ночного сна, когда те будут беспомощными).

Алгыс пробуждения медведя

Таблица 3. В проснувшегося медведя стреляли по очереди. До массового применения огнестрельного оружия, медведя умерщвляли ударами копыя-пальмы, что было намного сложнее и опасней из-за отчаянной самозащиты хозяина берлоги. Если медведю удавалось вырваться из берлоги, на него пускали опытных собак-медвежатниц, разрезав веревочную привязь ударом охотничьего ножа (на облаву брали не менее двух якутских лаек-медвежатниц. Специально выдрессированные лайки погибали только из-за глубины снега, малочисленности стаи и неразрезанной привязи на шее).

Спускаться в берлогу за убитым зверем назначался самый младший по возрасту из участвующих впервые на облаве — древняя этнопедагогическая традиция проверка качества воспитания храбрости и хладнокровия у иницирующегося в мир взрослых профессионалов. Подобное испытание в свое время проходили все участники облавы.

Сразив медведя, охотники придавали туше вид спящего человека, разводили неподалеку костер и — после угощения огня — приступали к свежеванию, приговаривая: «Вспотел старик, надо бы раздеть». Перед разделкой туши опытные охотники заставляли молодых членов охотничьей «команды», ранее не участвовавших в медвежьей охоте, совершить ритуал инициации — отведать еще теплую кровь зверя, становясь новым членом братства медвежьих охотников (следовало обмакнуть палец в рану и слизать с него кровь).

Процессе свежевания сопровождался имитацией участниками вороньего крика: «Хаах! Хаах!», чтобы душа медведя поверила, что убийство было совершено не людьми, а воронами. Данный обряд, очевидно, связан с поверьем о происхождении медведя от женщины; поэтому зверь отнесен в разряд оберегаемых зверей, душами-кут которых ведает дух — хозяин охоты Баай Байанай.

Таким образом, в промысловых обрядах тюрко-монгольских народов Сибири имеется ряд общих черты: очищение огнем участников и их оружия, обряды почитания духов-хозяев тайги и гор, угощение духов-хозяев ритуальной едой, умелое исполнение для них песен, сказок, преданий или отрывков эпических сказаний.

Просительная часть обрядовой поэзии тувинцев и якутов была насыщена табуированной лексикой. Обряды встречи убитого пушного зверя с почестями, с соответствующими благопожеланиями были характерны только для охотничьих ритуалов бурят и якутов.

У народа саха особое место — по степени сакральности и социального статуса — отводилось обрядам, связанным с архаичным культом медведем. Якутские фольклористы и культурологи трактуют медвежью охоту и как своеобразный вид экстремального спорта, к участию в котором допускались избранные охотники — своеобразная элита мастеров промысла, и как ритуал инициации перспективных юношей, вступающих в мужское сообщество.

Сопровождаемая молениями духу тайги, ритуалами и сакральными алгысами, медвежья охота по-якутски требовала от участников храбрости, мужества, хладнокровия, так как проходила в берлоге, в тесном пространстве которой зверь имел преимущества в защите.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батоева Д. Б. Обряды в традиционной культуре бурят / Д. Б. Батоева, Г. Р. Галданова, Д. А. Николаева. М.: Наука, 2002. 220 с.
2. Серошевский В. Л. Якуты. Опыт этнографического исследования / В. Л. Серошевский. Якутск, Бичик, 1993. С. 284–292.
3. Цыренова И. С. Медведь в традиционной культуре бурят: Историко-генетические и культурно-семантические аспекты: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.07 / Цыренова Ирина Станиславовна; [Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН]. Улан-Удэ, 2005. 20 с.
4. Алтай алкыштар. Алтайские благопожелания / Сост. К. Е. Укачина, Е. Е. Ямаева. Горно-Алтайск: Изд-во «Ак Чечек», 1993. 114 с.
5. Афанасьев Н. В. Мифологический образ духа огня в фольклоре якутов: типология, функции, лексический код: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.09 / Афанасьев Ньургун Вячеславович; [Место защиты: Адыг. гос. ун-т]. Майкоп, 2017. 22 с.
6. Бутанаев В. Я. Архаические обычаи и обряды саянских тюрков / В. Я. Бутанаев, Ч. В. Монгуш. Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 2005. 200 с.
7. Бардаханова С. С. Малые жанры бурятского фольклора. Пословицы, загадки, благопожелания. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1982. 208 с.
8. Алексеев Н. А. Этнография и фольклор народов Сибири. Новосибирск: Наука, 2008. 494 с.
9. Дампилова Л. С. Шаманские песнопения бурят: символика и поэтика. Автореф. дисс. ... на соискание ученой степени доктора филол. наук (На правах рукописи). Улан-Удэ, 2005. 43 с.
10. Алексеев Н. А. Традиционные религиозные верования якутов в XIX — нач. XX в.в. Новосибирск: Наука, 1975. 198 с.
11. Колодезников С. К. Обряды и представления якутов, связанные с охотой // Илин, 1991. № 2. С. 20–21.
12. Попов Г. В. Кэтимологии некоторых имен божеств якутской мифологии // Фольклор и современная культура: сборник научных материалов. Якутск: изд-во ЯНЦ СО РАН, 1991. С. 62–65.
13. Ястремский С. В. Образцы народной литературы якутов. Том VII. Л.: АН СССР, 1929. 226 с.
14. Эргис Г. У. Очерки по якутскому фольклору. М.: Издательство «Наука», 1974. 402 с.
15. Юша, Ж. М. Обрядовая поэзия тувинцев: структура и семантика. Новосибирск: 000 «Апельсин», 2009. 166 с.
16. Ионов В. М. Медведь по воззрениям якутов // Живая старина. 1915. Прил. 3. С. 53–55.
17. Жамбалова С. Г. Традиционная охота бурят. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. 174 с.

© Ефимова Людмила Степановна (ludmilaxoso@mail.ru), Шкурко Наталья Сергеевна (shkurko@mail.ru),
 Афанасьев Ньургун Вячеславович (n.v.afanasev@mail.ru), Антонова Венера Николаевна (antonova.venerochka@mail.ru),
 Баишев Иннокентий Игнатьевич (ii.baishev@s-vfu.ru), Протопопов Семен Семёнович (ssprotopopov@mail.ru).
 Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Северо-восточный федеральный университет им М. К. Аммосова